

Стол был накрыт гораздо богаче, чем вчера, но Цинь Юань, сев за него, не притронулся к еде.

Цинь Жун с нежностью накладывал угощения родителям, то и дело перебрасываясь фразами с Цинь Минчуанем. Они обсуждали недавнюю поездку за границу, особенно кубок Перно, и на их лицах читалась гордость.

— Поздравляю Жун-Жуна с успехом на соревнованиях, — Фан Хаймэй подняла бокал.

— Мама, ну не надо постоянно об этом говорить, я занял всего лишь третье место, — Цинь Жун застеснялся, но в глубине души ликовал. Раз он остается лучшим, какая разница, есть ли у них кровное родство? Фальшивый наследник все еще остается наследником, а вот настоящий — еще вопрос.

Он украдкой взглянул на юношу, сидевшего напротив, и почувствовал себя еще увереннее.

Однако Цинь Минчуань неверно истолковал его взгляд и с недовольством бросил:

— Все подняли бокалы, один ты сидишь без движения. Что это значит? Ты чем-то недоволен или тебе не нравится, что мы поздравляем Жун-Жуна?

— Все в порядке, брат, — поспешно вмешался Цинь Жун.

— Я просто не знаю, что такое кубок Перно, — Цинь Юань отложил палочки, не поднимая глаз.
— Я не разбираюсь в музыке, никогда не видел пианино и не понимаю, почему это так важно. Для меня важно лишь то, что можно досыта поесть.

Атмосфера за столом мгновенно стала ледяной. На лицах родителей отразилось смущение: их родной ребенок, похищенный в детстве, вырос в трущобах, не закончил даже школу и не прикоснулся ни к одному инструменту. И вот он — плоть от плоти их крови — оказался таким.

Это было унижительно. В глазах супругов промелькнуло одинаковое холодное презрение.

— То, что тебя похитили, — не наша вина.

Цинь Жун снова взглянул на напротив сидящего юношу. Тот по-прежнему никак не реагировал. Наверное, думал, что жалобы на тяжелую судьбу вызовут у родителей жалость, но это лишь раз за разом напоминало им о его нищенском детстве.

Следующие слова матери заставили Цинь Юаня замереть.

— В следующем месяце мы устроим прием, чтобы представить тебя обществу. А пока мы

наймем учителей, чтобы ты хоть немного стал похож на члена семьи Цинь.

Кровь семьи Цинь не должна пропадать зря. Они не могли бросить родного сына, но его манеры, привитые в трущобах, казались им чем-то низким и вульгарным, словно кость, застрявшая в горле.

Отец отрезал жестко, но, взглянув на Цинь Жуна, добавил смягчающим тоном:

— Жун-Жун ни в чем не виноват. Хотя у нас нет кровной связи, он навсегда останется нашим ребенком, младшим господином Цинь. Это не изменится никогда.

Затем он снова повернулся к Цинь Юаню:

— Не смей питать вражду к Жун-Чжуну. Будущее нашей семьи зависит от Минчуаня и Жун-Жуна, я не могу рассчитывать на тебя. Ты ничего не умеешь, только позоришь фамилию. Ты и в подметки не годишься Жун-Жуну! А твой характер? Если на приеме ты будешь вести себя так же, как нам смотреть людям в глаза? Учись! Я не хочу, чтобы кто-то узнал, что мой родной сын — такое ничтожество!

Кровное родство давало лишь этот единственный шанс. Если...

Цинь Юань наконец поднял голову, его глаза покраснели.

— Я наелся.

Юноша выглядел глубоко уязвленным словами отца. Его лицо побледнело, губы дрожали. Не в силах вынести такого унижения, он встал и поспешно вышел из столовой.

Но в спину ему донесся холодный, безжалостный голос отца:

— Даже если в нем течет кровь Цинь, толку от этого? Он хоть немного похож на нас? Человек, который даже школу не закончил... Да если его отправить на брачный союз, кто из приличных семей посмотрит на такого отброса?

Фан Хаймэй тихо вздохнула:

— Поживем — увидим. Если совсем ничего не выйдет, будем считать, что приютили лишний рот, а потом пристроим куда-нибудь.

Сказав это, она положила в чашку Цинь Жуна кусочек овоща и, глядя на его послушную улыбку, на мгновение выпала из реальности. Этот ребенок был таким воспитанным и

талантливым — плод ее заботы. Но... не родной. Выражение лица Фан Хаймэй стало холодным. Почему же родной сын оказался таким...

Злая шутка. Судьба была жестока.

Вернувшись в свою комнату, Цинь Юань, прислонившись к окну, думал о том же. Его ладони неконтролируемо дрожали от пережитого напряжения, и он крепко сжал их, пытаясь успокоиться.

Бледные губы зашептали с обидой:

— 888, ну ты и бессердечный! Уровень эмпатии такой высокий, я чуть сознание не потерял от этой парочки.

888 прилетело ему на плечо и с торжеством посмотрело на дрожащие руки:

— Я же предупреждал! Если бы ты добровольно следовал сценарию, тебе не пришлось бы проживать боль оригинального владельца тела.

— Ха.

Цинь Юань дрожащей рукой смахнул маленький светящийся шар с плеча. 888 покатилося по полу, совершив несколько кувырков. Юноша начал пинать его дрожащими ногами, словно игрушку-антистресс. 888 молчало, терпя издевательства — в конце концов, у него все равно не было крыльев, чтобы улететь.

Вдруг засветился телефон. 888 тут же исчезло.

Цинь Юань взял смартфон — пришло сообщение от Лань Юйчжи.

Лань Юйчжи: Как прошла встреча с родителями?

Юань Юань: Кажется... я им не нравлюсь.

В тихом кабинете Лань Юйчжи просматривал данные на планшете. Ответ юноши его не удивил. Согласно расследованию, семья Цинь не была из тех, кто радуется обретению родного ребенка. Влиятельные семьи ценят кровные узы, но если у человека нет ценности, он не стоит их внимания. В семье Лань тоже хватало бездельников, живущих на дивиденды. Если нет способностей — живи в свое удовольствие, семья богата, прокормит. Именно поэтому Лань Юйчжи не стал спорить с желанием юноши просто жить счастливо.

Однако...

Его длинные пальцы замерли на экране. Супруги Цинь были слишком гордыми и заикленными на статусе. Родной сын, вернувшийся из трущоб, был для них не поводом для радости.

А скорее... позором.

Не раздумывая, он набрал номер. Малыш был обижен и нуждался в поддержке.

— Профессор Лань!

Внезапный звонок застал юношу врасплох, но в голосе слышалась радость.

— М-м, — низкий, холодный голос отозвался на том конце. — Кто-то из малышей, кажется, не в духе?

— Какой я малыш, — Цинь Юань потер ухо. — Просто я разочарован. Мама говорила, что родители ищут меня, и я больше не буду один. Но здесь все совсем не так, как она рассказывала.

— В чем именно? — Лань Юйчжи знал, что под мамой юноша имеет в виду свою приемную мать.

— Кажется, я им мешаю. И они говорят, что, возможно, это мама меня украла. Но мама...

Юноша говорил очень четко, растягивая окончания. Милая привычка.

Лань Юйчжи пролистал страницу с отчетом о хаосе в больнице, слушая, как юноша изливает свои сомнения и боль за приемных родителей, доверяя свои чувства человеку, с которым едва знаком. Это доверие и неосознанная близость наполнили сердце Лань Юйчжи странной мягкостью.

— О? Значит, родители хотят нанять тебе репетиторов?

— Да. Они считают меня никчемным, не таким, как их второй сын. Говорят, нужно учить этикет и всякие навыки... чтобы через месяц представить меня людям.

Несмотря на разочарование, в глубине души юноши теплилась слабая надежда — ведь родители собираются признать его перед всеми.

Но взгляд Лань Юйчжи потемнел. Если его не ждут и не любят, не стоит давать ему надежду. Подобные качели лишь заставят его страдать в водовороте фальшивых родственных чувств. Прием? Лань Юйчжи усмехнулся.

— Я ничего не умею, боюсь, учителям я не понравлюсь... — голос юноши звучал неуверенно.

— Нет, — отрезал Лань Юйчжи. — Если бы это был я, мне бы точно понравился такой малыш, как ты.

— А... — Цинь Юань не нашелся что ответить. — Уже поздно, я спать. Спокойной ночи, профессор Лань... Лань Юйчжи.

Цинь Юань упал на кровать, уткнувшись лицом в подушку: Слышал, системка? Он сказал, что я ему нравлюсь!

888 закатило глаза — кое-кто слишком уж вольно интерпретировал слова.

Цинь Юаню было все равно на его ворчание. Он ткнул в 888, и перед ним возник виртуальный блокнот. Это был личный дневник хоста, где он записывал опыт и навыки. Скрываясь от 888, он начал писать первую страницу.

[Заметки хоста]

Кому: Цинь Юаню

Любовь не должна быть корыстной.

Даже если ты ничего не умеешь, кто-то обязательно будет тебя любить.

А я тебя очень люблю!

От: Юань Юаня, который считает, что ты просто супер.

<http://bllate.org/book/21339/2165442>